

Zoja Kuca
Łódź, Uniwersytet Łódzki

**ТРАГЕДИЯ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ ГЛАЗАМИ
ДЕТЕЙ «ВРАГОВ НАРОДА» В СКАЗОЧНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ЮЛИИ ЯКОВЛЕВОЙ
*ДЕТИ ВОРОНА***

**The Tragedy of Stalinist Repression Through the Eyes of Children
of “Enemies of the Nation” in Yulia Yakovleva’s Fabulous Transformation
*Children of the Crow***

ABSTRACT: Yulia Yakovleva is a little-known Russian writer whose work has not received the attention of researchers in Russia, much less abroad. However, Yakovleva’s books are immensely interesting not only because of the fundamental themes for everyone touched upon in them, but also because of the entirely new, previously unseen genre she employs, in which the writer has combined historical events and realism with elements of fabulous fiction. With fantastical elements and the drabness of time and space, Yakovleva presents a picture of the Stalinist repression and the functioning of children within it. Plunging her protagonist into a sick, mentally distorted space and time, the writer shows his forced maturation, moments of transition from childhood to adulthood and vice versa. The main aim of our article is to show the techniques as well as the literary results that have helped the writer to present the image of “children of enemies of the people” more convincingly with the help of the mentioned literary innovation.

KEYWORDS: Yulia Yakovleva, children, Stalinist repression, grey color, time and space

Юлия Яковлева – малоизвестный русский писатель, журналист, сценарист, а также художник-график¹. Творчество прозаика не удостоилось внимания исследователей ни в России, ни тем более за рубежом. Хотя бы по этой причине стоит обратиться к невероятно интересным книгам Яковлевой не только из-за фундаментальных для каждого человека тем, затронутых в произведениях писатель-

¹ Автор цикла *Ленинградские сказки* начала свою карьеру в известных русских журналах и газетах, работала также в пресс-службе Мариинского театра, была балетным обозревателем в газете «Коммерсантъ» и редактором в журнале Architectural Digest. В свое время Яковлева была также театральным продюсером, постоянным автором «Афиши», «Горького» и «Арзамаса».

ницы, но также из-за совершенно нового, ранее не встречаемого жанра, в котором исторические события, реализм писательницы соединила с элементами фантастики. Несомненно, книги Яковлевой у читателей вызовут разные эмоции: у одних страх и сомнение, недоверие, у других, ностальгическую ноту по советским временам. Документальность, облеченная сказочным и фантастическим миром, сглаживает жестокую картину сталинских времен в глазах читателя-ребенка. Взрослый же читатель, хоть и за занавесом сказки, узнает и вспомнит время сталинского террора, время порождения и воспитания марионеточного общества.

С помощью фантастических элементов, царящей во времени и пространстве серости, Яковлева представляет картину сталинских репрессий и функционирование в ней детей. Погружая своего героя в болезненное, ментально искажённое пространство и время, писательница показывает его вынужденное взросление, моменты перехода от детскости к взрослости и наоборот. Все примененные писательницей художественные приемы способствуют представлению поистине страшной картины мира, в которой даже фантастические герои – птицы, наделённым голосом, рассуждающие и высказывающие своё мнение, тоже настроены против детей. Отсюда, целью статьи является показать приёмы, а также литературные результаты, которые помогли писательнице более убедительно представить образ детей «врагов народа» с помощью обозначенного писательского новаторства.

В своих произведениях, написанных в жанре реалити-сказки, детективов, пьес или просто рассказов, Яковлева затрагивает сложнейшие исторические темы². Цикл детских книг *Ленинградские сказки* имеет совершенно неожиданный для читателей исторический фон – сталинские репрессии. 1938 год – время страха и неправды: голод, холод, равнодушие людей, живущих в боязни и готовых в любой момент стать доносчиками, а также завладеть имуществом «врагов народа». 1930-е годы XX века вошли в историю как период интенсивного развития и зарождения разного рода национал-социализмов: расовое и кастовое превосходство одной расы над другими, обоснование национал-патриотического насилия как правильной модели построения государства, отрицание универсальности личности, созданной по образу Божьему – вот главные идеологические доминанты популярных в то время политических систем. Преследование евреев в Германии, установление тоталитарной диктатуры в Италии и другие процессы триумфа левого радикализма затмили главную идею о человеке как о духовном существе, заслуживающем уважения и свободы. В результате крайне

² Героями цикла *Ленинградские сказки* являются дети: Шурка, Бобка, Танька. Выбор одних и тех же героев можно объяснить, исходя из слов писательницы: «Написать около десятка книг с одним и тем же героем – достойно продержаться на этом боксерском ринге десять раундов, вот дело, прямо скажем, не для многих. Я – за писателей-стайеров. За долгие отношения. За героев, с которыми знакомишься не на одну книгу. И еще: почти все стайеры – мастера «атмосферы», они именно «создают особый мир». И вот магия: примерно знаешь, чего ожидать, но от этого каждую новую книгу открываешь с еще большим нетерпением!». См. дет.: *Я – за долгие отношения. Юлия Яковлева – о любимых писателях-детективщиках*, [в:] <https://www.labirint.ru/now/yakovleva/>, (17.08.2022).

брезгливого отношения к человеческой жизни Европа пришла к массовым репрессиям, особенно в Советском Союзе, где их характер приобрел поистине глобальные масштабы.

Сталинские репрессии включали в себя не просто устранение несогласных с советской властью. Перед их лицом все были равны, преследованию подвергались также дети. В «шпионаже» и «вредительстве», в «предательстве» и организации «террористических актов» обвиняли как образованных людей, так и простых крестьян³. Машина террора в конце концов начала пожирать саму себя. 1938 год – это период безжалостных внутренних чисток, в рамках которых жертвами становились сплошь и рядом действительно лояльные члены собственной коммунистической партии. Сотни, если не тысячи, офицеров красной армии, отличившиеся доблестью на полях сражения с белогвардейцами, в этот раз пали от рук своего же вождя. Парадоксально, но вождю пролетариата недостаточно было физического очищения партийных кадров, аппарат Сталина шёл до конца, возжелав окончательно решить судьбу в том числе и детей «врагов народа». Согласно приказу НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины», жены осужденных за «контрреволюционные преступления» подлежали аресту и заключению в лагеря на 5-8 лет, а их дети в возрасте от 1-1,5 до 15 лет направлялись в детские дома⁴. Братья и сёстры не имели шансов оставаться вместе, их обязательно разлучали. Дети в детдомах были на грани выживания: их плохо кормили, били и наказывали за малейшие шалости. В воспоминаниях пострадавших читаем: «Метод воспитания в детдоме был на кулаках. На моих глазах директор избивала мальчиков, била головой о стену и кулаками по лицу за то, что при обыске она у них находила в карманах хлебные крошки, подозревала, что они готовят хлеб к побегу»⁵.

Не только физическое насилие применялось против детей репрессированных родителей, но также морально-психологическое, главной целью которого являлось исключение из детской памяти какого-либо воспоминания. Об этом мы многое узнаем также из книги воспоминаний Инны Ароновны Шихеевой-Гайстер *Дети врагов народа*⁶, ставшей историческим свидетельством сталинской эпохи. Упомянем только о том, что в советскую эпоху работа по управлению эмоциями детей была одной из ключевых идей государственной идеологии⁷.

Политика СССР была направлена на формирование новой личности. Главная цель – создание «советского человека». Большевикам казалось, что люди, про-

³ Т. Полянская, *Социально опасные малолетки. Как советская власть боролась с детьми изменников Родины*, [в:] <https://lenta.ru/articles/2017/03/11/enemykids/>, 11 марта 2017, (12.08.2022).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ И.А. Шихеева-Гайстер, *Дети врагов народа: Семейная хроника времен культа личности*, Москва 2012.

⁷ К. Келли, «В нашем великом советском союзе товарищ – священное слово». Эмоциональные отношения между детьми в советской культуре, «Детские чтения» 2013, с. 38.

жившие большую часть жизни в дореволюционное время, являлись более сложным материалом для перспективной перемены. Эластичный и податливый материал они видели в детях и подростках. Ребенок представлялся им своеобразной *tabula rasa*, куском глины, из которого можно лепить все что угодно⁸. Анатолий Луначарский подчёркивал: «из маленького ребенка дошкольного возраста можно лепить, школьника-ребенка можно гнуть, юношу можно ломать, а взрослого только могила исправит»⁹.

Учитывая вышеописанный фон исторических событий, какую же картину мы можем наблюдать в цикле «Ленинградских сказок» Яковлевой? Итак, писательница обращается к исторической памяти. Концепт исторической памяти позволяет произвести переформатирование исторического прошлого. «Современная литература, – пишет А. Ткачук, – пытается вести диалог о "неудобном" прошлом с детской читательской аудиторией»¹⁰. Работая с памятью о политических репрессиях 1930-х годов, Яковлева решает осветить в детской/недетской литературе одну из наиболее табуированных тем.

Травматизм эпохи сталинских репрессий глазами детей эксплицирован также в произведениях других писателей, к примеру, Евгения Ельчина *Сталинский нос*, а также в повести *Сахарный ребёнок* Ольги Громовой. В вышеупомянутых книгах детская борьба с самим собой, со страхом, отчаянием, вынужденное взросление – это основные сюжетные составляющие книг: все темы являются звеньями одной цепи – они тесно связаны друг с другом, одна порождает другую, и все сводятся к одному – к неумолимому желанию вернуть родителей, найти близких, обрести свободу.

Интересно, что герои Яковлевой, Ельчина и Громовой во многом похожи. Эта похожесть судьбы и её развития касается тысяч детей, воспитывавшихся в сталинскую эпоху. В книге Ельчина жизнь главного героя Саши Зайчика рушится за одну ночь. Из-за доноса соседа арестовывают его отца, офицера НКВД, Саша пополняет список «детей врага», становится объектом вербовки со стороны НКВД. Похожий сценарий детской судьбы разворачивается в повести Ольги Громовой *Сахарный ребёнок*, где пятилетняя Эля тоже приобретает статус «дочери изменника Родины». Перечисленные книги основаны на реальных событиях, во всех действие разворачивается в эпоху Большого террора. Современные авторы детской литературы пытаются донести до сознания детей кусочек истории страны. Герои – дети. В сюжете книг все они неожиданно приобретают статус «детей врагов». В книгах представлен конфликт детского сознания и эпохи¹¹. В этом конфликте важ-

⁸ А. Кравченко, *Создание нового советского человека*, [в:] <https://arzamas.academy/materials/1499>, (16.08.2022).

⁹ Там же.

¹⁰ А.А. Ткачук, *Конфликт детского сознания и истории в повести «Сахарный ребёнок» Ольги Громовой*, «Littera Terra», *Материалы VIII Международной конференции молодых ученых. К 90-летию со дня рождения Ю. М. Проскуриной (1929-2019)*, Екатеринбург 2020, с. 119.

¹¹ Там же, с. 120.

нейшую роль играет фигура родителей – отца/матери, бывших для детей образцом для подражания и вдруг ставших «врагами народа» и передавших тем самым своим детям клеймо «врагов».

Главными героями книг «Ленинградские сказки» тоже являются дети – дети «врагов народа»: Шурка, Бобка и Таня. Однако самое главное отличие произведений Ельчина и Громовой от текстов Яковлевой заключается в том, что в *Детях ворона* писательница представляет оригинальное авторское решение, в котором через сказочно-фантастические элементы предпринимается попытка сглаживания жестокой исторической действительности, ничем не завуалированной в текстах двух других обозначенных писателей. Анализируя роман Яковлевой, мы попытаемся определить, насколько это удалось писательнице, и каких литературных результатов она достигла благодаря использованию данной повествовательной стратегии.

Итак, работая с документом в рамках детской литературы, Яковлева прибегла к приему соединения двух измерений: реального – исторического и ирреального – сглаживающего и скрывающего жестокие образы и события за занавесью гротеска. Причем гротеск отмечен не только на уровне героев – Ворон, люди-невидимки, – но также на уровне пространства. С одной стороны, Ленинград – город детства, в котором все родное и близкое, с другой, анти-Ленинград – город Ворона, город со страшными корпусами Серого дома и дома Ворона, так называемой Малой Лубянской. Ленинградское пространство представлено как серое, болезненное, мрачное. Это касается как коммуналок, в которых общие коридоры и кухня носили отпечаток таинственности и мрачной серости, так и улиц города, которые были жестокими и враждебными по отношению к своим жителям. Из-за страха люди были готовы сдать любого, кто казался им подозрительным. Нужно добавить, что в эпоху сталинизма вслух высказывать своё мнение, и тем более публично говорить о регрессионных близких было крайне опасно. Такая смелость была чревата цепью известным всем последствий. Травматический опыт был связан с молчанием-умалчиванием¹².

В образе меняющегося города Ленинграда/анти-Ленинграда нужно отметить проблематику «петербургского текста», получившего обоснование в работах Владимира Топорова. «Единство Петербургского текста определяется не столько единым объектом описания, сколько монолитностью (единство и цельность) максимальной смысловой установки»¹³. Единство Петербургского текста обеспечивается за счёт прохождения и преодоления пути к нравственному спасению и духовному возрождению в сложных условиях: когда ложь и зло торжествуют над истиной и добром¹⁴. Для Петербургского текста свойствен

¹² А. Кравченко, «Большие писать не хочется»: Большой террор и дети репрессированных. Опыт рассмотрения дневников двух юных комсомольцев, «Laboratorium» 2015, 7 (1), с. 123.

¹³ В.Н. Топоров, *Петербургский текст русской литературы. Избранные труды*, Санкт-Петербург 2003, с. 26-27.

¹⁴ Там же, с. 27.

переход от пространственной крайности к жизни на пороге смерти, где безнадёжность и безвыходность заставляют перешагнуть нерушимый, казалось бы, с детства заложенный моральный корпус. Петербургскому тексту, а вместе с тем и городу, свойственна миражность, фантастичность и фантазматичность¹⁵. Как раз Ленинграду Яковлевой присущи именно все вышеупомянутые характеристики.

Задержим свое внимание на нескольких пространственных пунктах Ленинграда/анти-Ленинграда, которые играют сюжетообразующую роль в ирреальном пространстве романа *Дети ворона*. Одним из главных признаков Петербургского текста в книге Яковлевой является размытость между реальным и фантастическим мирами. Шурка, Бобка и Тяня живут в Ленинграде, где есть Эрмитаж, Петропавловская крепость, соборы и церкви. Однако повествование в романе ведется в духе магического реализма. Названные достопримечательности то есть, то они исчезают, птицы наделены умением говорить; люди, машины, лошади проходят сквозь тебя. Жители города, как и наш главный герой, превращаются в невидимок. Из стен квартир, детдомов ни с того, ни с сего появляется ухо, прислушивающееся к разговору, или глаз, наблюдающий за действиями героев. Сам город Ленинград то он есть, то он исчезает; то он прекрасный, то ужасный. Нет ничего постоянного, кроме страшного Ворона и его правил существования. В его ведении подбор тех людей, которые могут дальше продолжать жить в «счастливой» советской стране.

Следующим пространственным пунктиром меняющегося Ленинграда является Серый дом – Дом-фабрика по изменению детей, по их перевоспитанию. Здесь происходит дешифрация образа, так как читатель понимает, что речь идет о реально существовавших домах, в которых пребывали дети «врагов народа»¹⁶. «Серый дом был фабрикой. Туда свозили детей. Тань, Шурок, Бобок, Зой, Кать, Коль, Наташ, Миш, Лид, Петек, Вовок. И делали из них Рэв, Маев, Сталин, Кир, Владленов. Детей Ворона!»¹⁷. Это была фабрика по подготовке марионеток, которыми в будущем легко будет управлять. Детям-марионеткам во всех их действиях и во внешнем виде свойственна одинаковость, идентичность. Причем, что немаловажно, марионеточность и гипноз на поведенческом уровне, наблюдаемый у детей, связан с угнетающей серостью: серым пространством, воздухом, едой и даже серыми мыслями.

Как известно, серый цвет как и все остальные обладает конкретными символическими смыслами¹⁸. Серый цвет соединяет в себе два противоположных

¹⁵ Там же, с. 30.

¹⁶ А.А. Ткачук, *Гротескные образы истории и работа с травмой в современной детской литературе (на примере Е. Ельчина «Сталинский нос» и Ю. Яковлевой «Дети ворона»*, «Уральский филологический вестник» 2020, № 1, с. 156.

¹⁷ Ю. Яковлева, *Дети ворона*, Москва 2016, с. 229.

¹⁸ Я.А. Барышева, *Когнитивный механизм серого цвета в культуре народов мира*, «Вестник Бурятского государственного университета» 2010, № 10, с. 102.

цвета – белый и чёрный, в результате, ему приписывается значение ненужности и несамостоятельности. «Серый – цвет пыли и праха, противоположность яркого, разноцветного мира»¹⁹. Серый цвет «гасит напряжение эмоций»²⁰, считается депрессивным, погружающим человека в состояние уныния. Темно-серый цвет действует на человека безутешно и удушающе²¹. Данный цвет придает пространству, и тем более личности невыразительность, размытость, неуверенность, нерешительность. Известно, что цвет влияет на восприятие действительности, напрямую воздействует на эмоции и вызывает определенные ассоциации. Длительное пребывание в сером пространстве становится причиной истощённости и усталости человека. В отличие от других цветов, интерпретация символики которых может допускать несколько трактовок, серый цвет в романе Яковлевой целенаправленно приобретает значение исключительно мрачного, депрессивного и удушливого. Серое пространство, давящее на личность, на психологическом уровне способствовало воспитанию в нем людей с подавленной личностью. Данный цвет в романе однозначно отрицательно коннотирован. Даже если к серому цвету добавлен другой оттенок – бурый, зелёный – смысловая напряжённость серого не меняется, он и дальше угнетает, притесняет и ведёт к депрессивному состоянию. «Ворон, похоже, любил серый цвет. Всё было либо серым, либо сероватым. Либо серого оттенка. [...] Стены от пола до середины были серо-зелеными, а выше – серо-желтыми. Серо-бурыми были плитки пола»²².

В тексте Яковлевой прослеживается некая закономерность в выборе писательницей нагнетающей серости, наблюдающейся в организации времени и пространства. В ужасное время репрессий отсутствовала малейшая свобода мысли, поэтому трафаретное воспитание детей, «переделывание» и «ломание» их на ментальном уровне было обыденным явлением. Воспитание «серых мышей», не имеющих своего мнения и свято верящих в то, что им внушили, было главной целью сталинской политики. Именно поэтому в эту серость погружается весь Ленинград и особенно те пространственные локусы, в которых велось зомбирование детей и формирование у них личностной невзрачности. «Ряды одинаковых кроваток. Одинаковые серые квадратики одеял. Одинаковые обритые головы. Ворон хотел, чтобы сны в этих головах тоже были одинаковые»²³.

Серость наделяет пространство оттенком неприязни, напряжения, человеку же серый цвет лица придает болезненный вид. Погружая «детей врагов» в серое пространство, регрессанты были уверены, что зомбирование на вербальном и невербальном уровне принесет ожидаемый результат по трансформации мыслящего человека. Приведем показательные цитаты:

¹⁹ Б.А. Базыма, *Психология цвета: Теория и практика*, Санкт-Петербург 2005, с. 15-16.

²⁰ Я.А. Барышева, *Когнитивный механизм серого цвета...*, с. 104.

²¹ Б.А. Базыма, *Психология цвета...*, с. 24.

²² Ю. Яковлева, *Дети ворона...*, с. 126.

²³ Там же, с. 242.

Шурка не верил своим глазам. От стены до стены плотно стояли одинаковые металлические кровати под одинаковыми серыми одеялами. Подле каждой, вытянув руки по швам и глядя перед собой, стояли дети в сереньких пижамах²⁴.

И ещё: «Все в сереньких пижамах, все без волос – и от этого какие-то особенно ушастые и глазастые»²⁵. Государство вело работу по насаждению одинаковости детей, по превращению их в бессознательную серую массу. Эта борьба с инаковостью реализуется по определённому трафарету: арест родителей и изъятие детей, унификация их мыслей, а вместе с тем вычеркивание из их сознания мыслей о прошлом, внушение новой, одинаковой для всех детей биографии, полная одинаковость во внешнем виде. Партийная промывка сознания включала в себя воспитание нового человека, созданного согласно разработанной идеологической модели. Никакой привязанности к прошлому, никаких sentimentальных чувств по отношению к родителям или близким, полное подчинение системе и царящим в ней политическим нормам. Все это должно было воспитывать в детях чувство беспредельной преданности партии и ее идеалам, никакие нравственные установки не должны были отвлекать нового человека от главной идеи – построения коммунизма.

Серость эксплицируется не только на уровне пространства, внешнего вида, бытовых принадлежностей, серостью наделена также еда, трансформирующаяся в мысли. Каша и хлеб в романе Яковлевой, которыми кормили детей в Сером доме, были серыми. «Поварихи в серых халатах и колпаках, обняв большие серые кастрюли, из которых валил пар, принялись ходить вдоль столов, шлепая из половника в тарелки серую жижу. Шурка получил свою оловянную тарелку и оловянную ложку. В тарелку шмякнулась сероватая каша»²⁶. Пища в романе трансформируется в мысли и лишь отказ от этой «серой еды» может способствовать избавлению от них. Серость пространства и употребляемой пищи была гарантом программы зомбирования. Только побег из этого пространства и избавление от навязчивой и всепоглощающей серости было залогом выздоровления, прежде всего психического. Показательным в этом плане является эпизод, в котором у Шурки неожиданно начинается рвота в виде серых зубастых существ-мыслей, убегающих в разном направлении. Шурка проходит что-то вроде инициации.

Серой стаей, разеваая зубастые ротики, они врассыпную бросились прочь. [...] Шурка был не виноват в этих мыслях. Эти мысли прокрадывались в тебя тайком. Они прикрывались красивыми словами: «родина», «мы», «герои», «патриот», «народ». [...] Из-за них человек во всех вокруг подозревал врагов. Готов был считать шпионами собственных маму и папу. Был уверен: раз схватили, значит, виноваты²⁷.

²⁴ Там же, с. 132.

²⁵ Там же, с. 143.

²⁶ Там же, с. 136.

²⁷ Там же, с. 230-231.

После выталкивания из себя серых существ-мыслей Шурка выздоравливает прежде всего ментально. «Но он был теперь здоров. Он знал это»²⁸. Через серую блевотину герой избавляется от всех навязанных мыслей и моделей поведения, которые так усиленно прививались в детском «концлагере». Серая по своей сути идеология была ему чуждой. Душа Шурки не приняла серой советской «вакцины», но отторгла её как чуждую человеческой природе. После рвоты, серость уступает место цветной картине мира, свойственной человеку по его духовной природе. Однако это не единственная сюжетная линия, в которой появляется мотив рвоты как очистительный и исцеляющий акт. В втором случае рвота символизирует очищение от возможно отравленного иностранным шпионом и съеденного Шуркой мороженого. Страх, охвативший Шурку, никак не был связан с тем, что он может как-то физически пострадать от этого мороженого, страх и разочарование заключались в другом: в том, что он не задержал иностранного шпиона и упустил свой шанс. Причем шпионаж иностранному гражданину был приписан детьми после того, как он громко высказал свое мнение насчёт поляриков: «Папанин нарочно забрался на льдину, чтобы уплыть подальше из СССР. [...] Шурка обмер. Теперь он понял. Обычный советский человек такое говорить не мог»²⁹. Высказывание иностранца показалось Шурке очень смелым, раньше ему никогда не приходилось слышать ничего плохого о его «счастливой» стране³⁰.

В книге Яковлевой показана как взрослость, так и детскость героев. Они не только взрослеют и пытаются спасти себя, найти своих родителей и доказать перед Вороном их невиновность, они стремятся снять с них поставленное на них клеймо предателей родины. Дети все равно остаются детьми со свойственными им шалостями, ссорами и проказами. Взрослость и детскость параллельно выстраивают повествовательную линию романа. На глазах читателя происходит взросление детей, не связанное с прибавлением им лет, а вытекающее из горького опыта исторического времени, в которое им пришлось жить. Они вынуждены принимать взрослые решения, делать выбор, решать за других. События одной ночи кардинально меняют весь уклад их жизни. Дети приходят в сту-

²⁸ Там же, с. 231.

²⁹ Там же, с. 36.

³⁰ Отметим, что в эпоху репрессий враги народа были не только внутри страны, но прежде всего – за границей. Слово «иностранец» в большевистской России являлось символом угрозы, – необъяснимой, но все же враждебной среды по отношению к советской власти и существующей политической системе. Заграница стала прибежищем для всех политически неудобных лиц, не только представителей белого движения и прошлой России, но также просто мыслящих людей – писателей, художников, культурных деятелей. Известно, что 30-е годы это период активного развития русского антибольшевистского движения за границей, центром которого являлся Париж. Отсюда приезд из-за границы любого иностранца коммунистической властью расценивался как потенциальная угроза для своей безопасности, что, в свою очередь, повлекло соответствующую идейную работу среди населения, в котором воспитывалось чувство недоверия, подозрительности и даже враждебности по отношению к представителям других стран и государств.

пор от непонятного для них происходящего. Герои пытаются улизнуть, убежать от навязываемой им потребности становиться взрослыми и учиться выживать в Ленинграде, их любимом городе, превратившемся в серый и недружелюбный анти-Ленинград. В поведенческой модели детей отмечается естественный, абсолютно непринуждённый переход от взрослого поведения к детскому и наоборот. Там, где появляется возможность оставаться всё-таки ребёнком, они им остаются; там, где нужно выживать, герои с большой гибкостью переступают порог детскости и становятся взрослыми.

Главный герой, Шурка, самостоятельно выживающий в жестоком Ленинграде, сам пытающийся себя прокормить и найти место для ночлега, одновременно безуданно ищущий способ освободить своих родителей от Ворона, «по ошибке» задержанных и увезённых, проявляет детскую слабость, когда чужая женщина ведёт его по улице за руку.

Шурка был так доволен собой, что не стал возражать, когда женщина повела его за руку. Как маленького. Наверное, своих детей у неё нет, поэтому все дети без разбору кажутся ей малышами. Ну и пусть, решил Шурка. Все люди на улице казались ему симпатичными. Даже тусклый серый свет их не портил³¹.

В вышеприведённой цитате отмечен момент возвращения Шурки-взрослого в Шурку-ребёнка. Интересно, что на уровне зрительного восприятия им окружающей действительности тоже происходит существенный сдвиг. Ранее серый, тусклый, недружелюбный Ленинград, приобретает цвет, и даже его ранее жестокосердные жители превращаются в симпатичных. Здесь эксплицируется граница взрослого – ребёнка и наоборот. На примере «детей врагов» писательница показывает шаткость границы детскость-взросление и взросление-детскость.

Бессознательное, совершенно детское поведение наблюдается в ситуации, когда вдруг исчезает также мать и брат Бобка. Мать передает через соседку детям деньги. «Таня, ты сама подумай! Это же ясно! Если вчера мама разрешила не ходить в школу и играть целый день, то сегодня она захотела, чтобы мы как следует повеселились! [...] И она дала нам денег, чтобы мы купили мороженое!»³². Осознание, а вместе с ним и взросление приходит всего лишь день спустя после скитаний по серому и унылому Ленинграду и ночёвки на чердаке. «Что-то подсказывало Тане, что тратить их (деньги – З.К) надо осмотрительно»³³. Серый цвет в данном случае играет роль синонима тусклой взрослости, в которой вынуждены жить все взрослые люди в эпоху Большого террора. Поистине детское восприятие денег на фоне серого Ленинграда и тусклого чердака

³¹ Ю. Яковлева, *Дети ворона...*, с. 177.

³² Там же, с. 65.

³³ Там же, с. 115.

уступает место рациональному мышлению. И наоборот, красочные цвета опять возвращают детей в детство.

Бессилие ребенка пред лицом государственной машины становится более чем очевидным. Правила жизни, установленные во время Большого террора, были не по силам миллионам взрослых, а также тысячам детей. Тяготы жизни, крайняя несправедливость по отношению к преданным людям обрекали людей на выживание. Главный герой романа *Дети ворона* взрослеет раньше времени, происходит момент его инициации. Дети, пережившие сталинские репрессии, находятся в состоянии лиминальности. Состояние между «жизнью и смертью» порождает в их сознании сотни вопросов, на которые нет ответа. Трагические события истории, глубоко коснувшиеся детей, символически прошедших через испытания смертью, позволяют говорить об их духовной инициации, трансформировавшей ребёнка в зрелую личность. После такой трансформации ребенок приобретает особый опыт, опыт взрослого, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать ее осознанно, как бы с точки зрения вечности.

В начале произведения читатель видит Шурку совсем ребёнком, с абсолютно свойственным детям сознанием и восприятием окружающей действительности сквозь призму детской логики. До определённого времени герой не видит, и тем более не осознаёт политики регрессионной системы с её пагубными для миллионов семей действиями и последствиями. Каждое пройденное испытание, как и в случае сказочных героев, открывает ему глаза на происходящее. Он осознаёт ошибочность и лживость государственной машины. Сначала Шурка цепляется за слово «ошибка», услышав его стоя в очереди к дому Ворона, затем пытается применить его по отношению к своим родителям. «Всё сразу стало просто. Ошибка. Конечно! [...] Моих маму и папу тоже... по ошибке. [...] Честное слово! Они не шпионы! Это ошибка!»³⁴. Шурка по примеру женщины из очереди пишет письмо Ворону, свято веря, что происшедшая с его родителями «ошибка», после прочтения его письма, адресованного лично Ворону, всё исправит, расставит на свои места. Однако герой осознаёт, что слово «ошибка», в которое он поверил и на которое понадеялся как на последний спасательный круг, относится к его непониманию происходящего. Шурка видит как солдаты все собранные письма, а также и его письмо, сжигают в каменных печах, и он осознает, что «ошибкой» как раз была его вера в правду, в справедливость, которая может восторжествовать в серой ленинградской действительности. Герой не предпринимает больше попыток по оправданию родителей, осознавая их бесперспективность. Шурка меняет свой ракурс действий, переключаясь на план по спасению своего младшего брата. Герой наделён ролью проводника между миром реальным и миром Черного Ворона. Именно он должен пройти целый ряд испытаний, чтобы потом помочь своим близким.

В этом прохождении испытаний, преодолении этапов Шурка открывает для себя аксиому, которая свидетельствует о следующей ступени его взросления.

³⁴ Там же, с. 167-168.

«Так вот что значит – не бояться, – думал Шурка. – Это значит – очень-очень бояться, но всё равно идти вперед, только вперед»³⁵. Главный герой понимает, что только такая установка поможет ему воссоединиться с братом и сестрой. Кроме этого, «идти вперёд» для Шурки становится своего рода стратегией противостояния обстоятельствам³⁶. С помощью такой поведенческой стратегии ребёнок пытается отстоять/отстаивать себя и своих близких в сталинское время.

С каждым пройденным испытанием, с открытием для себя какой-то правды, Шурка продвигается в процессе взросления. Причем, что немаловажно, происходит не столько физическое возрастание человека-Шурки, сколько духовное и интеллектуальное взросление его личности. Как нам кажется, на примере главного героя строится теория о взрослении человека, о переходе во взрослое состояние на уровне интеллекта. Это происходит также через сиротство, обиды, одиночество, голод, обвинение в понимании вещей, которые становятся основополагающими, – к осознанию добра и зла, к пониманию любви к живому существу. В образе Шурки показан рубеж, за которым заканчивается детство и начинается взрослость. Состояние взросления человека достигается в момент, когда он начинает совершать самостоятельные поступки и руководствуется собственными убеждениями.

У Шурки всё дрогнуло перед глазами. [...] Друг детей. Ворон – друг детей. Дети Ворона! Так вот зачем хватили родителей! Чтобы забрать детей. Обзывали врагами, вредителями, шпионами их честных мам и пап, тетя и дядя, бабушек и дедушек³⁷.

Взрослеющий Шурка приходит к выводу:

Не честные, хорошие, умные люди были нужны Ворону. А преданные ему. Забывшие свою семью. Свое прошлое. Убежденные, что Ворон – их отец. Что Ворон мудрее всех на свете. Что серое и страшное царство Ворона – лучшая страна в мире³⁸.

Здесь наблюдается выразительный диссонанс и категорическое несоответствие в искусственном наделении образа Сталина дружелюбием и любовью по отношению к детям – «Сталин – друг детей». С другой стороны, всем известный лозунг, вошедший в обиход в 1936 году: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»³⁹ был своего рода предвестником планирующегося в ско-

³⁵ Там же, с. 253.

³⁶ А.А. Ткачук, *Конфликт детского сознания и истории...*, с. 122.

³⁷ Ю. Яковлева, *Дети ворона...*, с. 229.

³⁸ Там же, с. 229.

³⁹ Н. Подосокорский, *Историк Владислав Смирнов о появлении мема «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»*, 2018-01-14, [в:] <https://philologist.livejournal.com/9961677.html>, (15.08.2022).

ром 1938-1939 году террора и ужасающих репрессий. Произошел глубокий конфликт между официально представляемой советской картиной мира и личным опытом детей-жертв Большого террора. В сотнях воспоминаний и дневников открывается совершенно другой ракурс событий, ничего общего не имеющий с советскими коллективистскими идеалами и образом примерного советского гражданина (гражданки).

Учитывая всё вышесказанное, книгу Яковлевой можно с определенной долей риска назвать инициационным текстом, в котором автору мастерски удается передать весь процесс вынужденной инициации детей во взрослую жизнь, в которой взрослость ассоциируется не с постепенным приобретением мудрости и знаний об окружающем мире, но ускоренным открыванием правды о его жестокости и бесчеловечности. Дети, брошенные в агрессивный мир гонений в междоусобном обществе, построенном по идеологическому принципу, вынуждены принимать «взрослые» решения, касающиеся себя самого и близких им людей, научиться анализировать поведение окружающих их «взрослых», интерпретировать серую действительность через призму «невзрослого» сознания. Прочтение произведения, несомненно, порождает вынужденную инициацию, в том числе читателя «за счет предельно концентрированной передачи трагического опыта»⁴⁰ Большого террора. Манипуляция общественным сознанием, воспитание общества с подавленными личностями, репрессии являются ведущими тематическими линиями романа, остальные необходимы лишь для экспонирования главных. Трагизм, драматизм человека сталинской эпохи, показанные в романе Яковлевой через призму фантастического пространства, звучат с новой интонацией и открываются в новой художественно-документальной перспективе. Выбранная автором оригинальная повествовательная стратегия позволяет по-новому посмотреть на, казалось бы, уже давно изученные вещи, заново пережить и открыть для себя необыкновенную глубину, заключенную в детском мировосприятии и мироощущении. Сквозь призму цвета, разных бытовых локусов и психологической категории взросления Яковлева отображает процесс взросления детского сознания, отчаянно отказывающегося участвовать в этом процессе и ищущего выход из безвыходной ситуации.

References

- Bazyma B.A., *Psikhologiya tsveta: Teoriya i praktika*, Sankt-Peterburg 2005.
 Barysheva Ya.A., *Kognitivnyy mekhanizm serogo tsveta v kul'ture narodov mira*, «Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta» 2010, № 10.
 Darenskiy V., *Voyna kak dukhovnaya initsiatsiya: ekzistentsial'nyye arkhetipy v russkoy poezii o Velikoy Otechestvennoy voyne*, «Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii» 2014, Seriya: Filosofiya. Filologiya, № 1 (15).

⁴⁰ В. Даренский, *Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне*, «Вестник Самарской гуманитарной академии» 2014, Серия: Философия. Филология, № 1 (15), с. 99.

- Kelli K., «*V nashem velikom sovetskom soyuze tovarishch – svyashchennoye slovo*». *Emotsional'nyye otnosheniya mezhdur det'mi v sovetskoy kul'ture*, «Detskiye chteniya» 2013.
- Kravchenko A., «*Bol'she pisat' ne khochetsya*»: *Bol'shoy terror i deti repressirovannykh. Opyt rassmotreniya dnevnikov dvukh yunykh komsomol'tsev*, «Laboratorium» 2015, 7 (1).
- Kravchenko A., *Sozdaniye novogo sovetskogo cheloveka*, [v:] <https://arzamas.academy/materials/1499>.
- Podosokorskiy N., *Istoriy Vladislav Smirnov o poyavlenii mema «Spasibo tovarishchu Stalinu za nashe schastlivoye detstvo»*, 2018-01-14, [v:] <https://philologist.livejournal.com/9961677.html>.
- Polyanskaya T., *Sotsial'no opasnyye maloletki. Kak sovetskaya vlast' borolas' s det'mi izmennikov Rodiny*, [v:] <https://lenta.ru/articles/2017/03/11/enemykids/>, 11 marta 2017.
- Tkachuk A.A., *Grotesknyye obrazy istorii i rabota s travmoy v sovremennoy detskoj literature (na primere E. El'china «Stalinskiy nos» i Yu. Yakovlevoy «Deti vorona»*, «Ural'skiy filologicheskij vestnik» 2020, № 1.
- Tkachuk A.A., *Konflikt detskogo soznaniya i istorii v povesti «Sakharanny rebēnok» Ol'gi Gromovoy*, [v:] «Littera Terra», *Materialy VIII Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. M. Proskurinoy (1929-2019)*, Ekaterinburg 2020.
- Toporov V.N., *Peterburgskiy tekst russkoj literatury: Izbrannyye trudy*, Sankt-Peterburg 2003.
- Shikheyeva-Gayster I.A., *Deti vragov naroda: Semeynaya khronika vremen kul'ta lichnosti*, Moskva 2012.
- Yakovleva Yu., *Deti vorona*, Moskva 2016.
- Ya – za dolgiye otnosheniya. Yuliya Yakovleva – o lyubimyykh pisatelyakh-detektivshchikakh*, [v:] <https://www.labirint.ru/now/yakovleva/>.

NOTA O AUTORCE

Zoja Kuca – dr, adiunkt; Uniwersytet Łódzki, Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki.

Najważniejsze publikacje: monografia: *Пути постижения святости в прозаическом наследии Бориса Зайцева (1922-1972)*, Lublin 2012, ss. 387. **Artykuły:** *Роль и статус женщины в исламском мире на примере Юлии Сысоевой „Бог не проходит мимо”*, red. A. Woźniak, „Roczniki Humanistyczne TN KUL. Seria: Słowianoznawstwo”, t. LXVI, z. 7, Wydawnictwo KUL, Lublin 2018, s. 109-124; *War through the Eyes of Women and Children. Svetlana Alexievich's Confession Books: «The Unwomanly Face of War» and «The Last Witnesses»*, „Australian Slavonic and East European Studies (ASEES) Journal” 2021, vol. 35, s. 27-59; *Аксиологический дискурс в романе Людмилы Улицкой „Зеленый шатер”*, „Slavia Orientalis” 2021, t. LXX, nr 4, 2021, s. 753-768; *Избранные аспекты теории и практики преподавания аудиовизуального перевода на польских нефилологических направлениях*, „Roczniki Humanistyczne” 2020, t. LXVIII, z. 10, s. 129-141, (współpr. A. Kucy); *Поликультурное пространство художественного текста*, red. A. Woźniak „Roczniki Humanistyczne TN KUL. Seria: Słowianoznawstwo”, t. LXIV, z. 7, Wydawnictwo KUL, Lublin 2016, s. 95-107.

ORCID: 0000-0003-2194-9250

Email: zoja.kuca@uni.lodz.pl